

К 50-летию со дня рождения А. Е. Корнейчука

Источник вдохновения

В одном из старых номеров журнала «Октябрь» мне попалась статья, принадлежащая перу Н. Павленко. В статье говорилось о «Фронте» Корнейчука, о том, что эта пьеса есть голос народа, записанный автором.

Нельзя, мне кажется, сказать о драматургии Корнейчука точнее.

Мы видим в народности одну из основ метода советского искусства, его неприменную и общую черту. Но есть художники, для которых народность — не только общий признак, роднящий их с товарищами по профессии, но и то индивидуальное, что придает им «лица не общее выражение», во всем определяет их творческий облик. Я воспринимаю Корнейчука, как такого вот писателя — народного по замыслу, по идеям и образам, по духу, по форме, по языку.

Муза Корнейчука находит себя в активном и деятельном служении народу. Его волнуют темы наибольшего общественного значения, он рвется сражаться на главном направлении, там, где сегодня, сейчас идет напряженная борьба за новое. Его пьесы неоднородны по качеству, — есть удачные, есть менее удачные, — но все его творчество равно пропитано стремлением действовать на «передовой линии огня», приравнивая к штыку свое писательское перо.

«...Так глубоко и всесторонне знать жизнь нашего народа, нашей страны... уметь так эту жизнь обобщать, чтобы по нашим произведениям, по тем проблемам, которых они касаются, писались партийные постановления, чтобы наши произведения оплодотворяли работу наших филологов, историков, ученых, наших партийных и советских руководителей работников», — вот сформулированная самим писателем его творческая программа-максимум, степень желанного для него вторжения в жизнь.

Это достигнуто не только во «Фронте» — пьесе, законно появившейся на страницах «Правды» в суровые дни 1942 года,

И. ИЛЬИНСКИЙ

в номерах, где печатались военные сводки Информбюро и корреспонденции с поля боя. Корнейчук первым ска-

зал тогда о том, что могло стать помехой к победному шествию нашей армии, в скорейшему и полному разгрому врага. Но и многое другое он успел и сумел сказать первым.

Так, в пору, когда во многих наших пьесах интеллигенция все еще изображалась смутенной, лишь ищущей пути слияния с народом, Корнейчук создал цельный, гармоничный образ советского ученого, поэта в своей профессии, борца за продление человеческого жизни. Проблематика «Платона Кречета», развивающаяся в борьбе гуманизма и бездушия, творчества и чиновничества, дерзания и бескрылости, — долгие годы потом и, кажется, до сего дня питала и питает пьесы об интеллигенции, о людях науки. Новаторским в «Кречете» оказался и образ «мастера жизни» Береста с его глубочайшей партийностью, с его хозяйским глазом и чутким сердцем, умением распознавать людей, поддерживать новое, растущее.

Корнейчук был едва ли не первым художником, поднявшим в своем «Богдане Хмельницком» тему исторической близости русского и украинского народов. В комедии «В степях Украины» писатель чутко угадал одну из характерных форм конфликта между передовым и отсталым внутри нашего общества, сделав нарицательными имена Чеснока и Галушки; он был в числе первых советских драматургов, воплотивших образ великого Ленина. Наконец, в «Крыльях» опять-таки первым заговорил о ряде важнейших проблем нашего сегодняшнего дня.

Вот почему драматургию Корнейчука в целом можно, мне думается, рассматривать, как своего рода летопись жизни народа.

Корнейчук умеет взглянуть на окружающие его явления с широкой, общенародной точки зрения. Он всегда раздвигает рамки частного случая до масштабов общественного, интересного всему народу.

А. Корнейчук в 1942 году на репетиции своей пьесы «Фронт» в Малом театре. Слева направо: Н. Анненков, А. Поляков, А. Корнейчук и М. Царев.

В героической истории черноморской эскадры он увидел обобщенный образ революции в решающий момент схватки с внутренним врагом; в судьбе хирурга провинциальной больницы Кречета — новый этап становления нашей интеллигенции. И даже «Фронт», эта как будто сугубо военная пьеса, по существу, выходит за рамки «чистой» военной тематики. Речь во «Фронте» идет о конкретных нуждах армии, о необходимости замены отсталых командиров, способных «загубить наше великое дело», но также о том, что нельзя жить с головой, повернутой назад, равняясь на вчерашний день страны; о том, как опасны застой, омертвление душ, всяческое «обрастание», как говорил в свое время Маяковский. Так военная пьеса Корнейчука «подключается» к важнейшей теме всего нашего искусства — теме борьбы с рутиной, с тем, что мешает и препятствует поступательному движению народа. Именно здесь проходит сегодня одна из решающих «линий фронта».

Пьесы Корнейчука ярко национальны. В них все дышит родной драматургией Украины: и сочный юмор, и самый колорит повествования, и мягкая характерность языка, ощущаемая даже сквозь контуры перевода. Его пьесы ясны, жизнерадостны, полнокровны. Они словно облиты щедрым украинским солнцем, овеяны теплыми ветрами привольных украинских степей.

В гуще родного народа подсмотрел Корнейчук эти кованые, литые фигуры, пламенного Комиссара, народного вожака Хмельницкого, художника-хирурга Кречета, патриота-пахтера Макара Дубравы. И каким гневным презрением,

какой злой насмешкой заклеены в его пьесах люди, позорящие нашу землю, путающиеся в ногах у жизни, затрудняя ее свободное течение, — все эти лизогубы и долгоносик, хрипуны и удивительные вакуленки и дремлюги.

И именно потому, что писатель видит своих героев не «иванами, не помнящими родства», но в конкретном бытовом окружении, в живых национальных чертах, его пьесы свободны от национальной ограниченности, исполнены жгучих проблем, равно волнующих Россию и Прибалтику, Грузию и Казахстан.

Мы часто смотрим на Корнейчука как на писателя комедийного по преимуществу. И действительно, талант Корнейчука-сатирика, его чуткость к смешному, целому, выходящему за пределы нормы, никакому сомнению не подлежат. И все-таки мне представляется, что интонация всех его пьес, если можно так выразиться, внутренне лирическая. Ему близка и героическая патетика — недаром «Богдан Хмельницкий» с его запорожской вольницей во многом навеян гоголевским «Тарасом Бульбой». Корнейчук — романтик и лирик; в самой клеймившей его сатире слышится голос авторского раздумия над жизнью, а рядом с характерами комических, гротескными у него действуют герои благородных чувствований, смелого сердца и возвышенной мысли.

Корнейчук смело соединяет жанры. Его «Гибель эскадры» — произведение патетическое, но как уместно в нем характерные фигуры веселых дружков-кочегаров Фрегата и Паллады; а рядом с сатирическими сценами «Фронта» особенно ярко проступают подвиг «апостолов», военная

доблесть Огнева, железная принципиальность Мирона. В его пьесах, как в жизни, — романтическое и обыденное, поэзия и проза, лирика и ирония шествуют рука об руку, придавая действию особую непринужденность, а конфликтам особую остроту.

Но ведь эта склонность соединять воедино смешное и возвышенное всегда присуща произведениям искусства народного, будь то драмы Шекспира или пушкинский «Борис Годунов». Стремясь продолжать традиции классиков, Корнейчук обращается к разным драматургическим формам: его «Гибель эскадры» — это народно-героическая эпопея, его «Богдан» — народная драма, его «В степях Украины» — народная комедия.

Корнейчук любит живописать толпу, многоликую, шумную, охваченную игрой противоположных чувств. В «Богдане Хмельницком», в «Правде», в «Гибели эскадры» народные сцены составляют основу действия. Корнейчук — мастер эпизода, он умеет схватить характер двумя-тремя штрихами, его пьесы населены людьми самобытными, яркими. Рядом с Чесноком и Галушкой выступают воинственные «деды» Остап и Тарас; в «Богдане» завоеватель симпатии зрителей весельчак и бражник Гаврила, меняющий яису пона на боевые доспехи сотника, а в «Крыльях» вызывает веселый смех колхозник Качан, тщетно пытающийся вырваться с затянутащегося собрания, где «товарищ Овчаренко» вот уже третий час подряд уныло цитирует «товарища Нудника». И все это — плод живых наблюдений, прямых «замет сердца», любви писателя к самому дорогому своему герою — человеку из народа.

Корнейчук чрезвычайно театрален. Его пьесы на сцене обычно богаче, чем они представляются в чтении. Он не боится приподнятости, броскости, монологов, батальных сцен, комизма, порой даже гротескного. Его пьесы, свободные по композиции, обычно весьма динамичны, они текут в напряженном действии. Он умеет быстро овладеть вниманием зрительного зала и затем вести его в нужном направлении. Чего стоят одни только великолепные «зачины» его пьес, будь то взрывчатая, накаленная до предела сцена «голосования», открывающая «Гибель эскадры», или ни

с чем не сообразная драка двух председателей из комедии «В степях Украины»!

Театральность Корнейчука содержательна. Писатель смело пользуется оружием сценической образности, потому что он знает, ради чего, ради какой цели нужен ему тот или иной театральный прием.

Пьесы Корнейчука живут долгой жизнью на сцене театров, и трудно встретить актера, не обязанного ему радостью творческой работы над образами яркими, сочными, реалистическими. По праву вошли в историю советского театра образы, созданные моими товарищами по профессии: Кречет — Добронравова, Берест — Топоркова, Горлов — Дикого, Наталия Ковшик — Ужвий, Макар Дубрава — Бучмы!

Мне лично пришлось столкнуться с драматургией Корнейчука дважды в жизни, и без этих встреч моя актерская биография не могла бы считаться полной. Дядя Гаврила из пьесы «Богдан Хмельницкий» — личность почти ренессансного мироощущения, монах-безбожник, пьяница, солдат и патриот, с крестом и казацкой саблей за поясом, — вплотную подвел меня к воплощению характера в одно и то же время — народно-комедийного и народно-героического. Еще больше дорог мне Саливон Чеснок — боевой, неустанный в защите «партийной линии» председатель колхоза «Смерть капитализму». Корнейчук взял человека, достойного подражания, человека с передовым сознанием, и наделил его чертами живой комедийности, что облегчило мне, характерному актеру, путь к сердцу образа, помогло ощутить его внутренний мир.

Александр Корнейчук — живой и растущий художник. И сегодня, как двадцать с лишком лет назад, когда являлся его вдохновенная «Гибель эскадры», молод и свеж его писательский дар, попрежнему влекут его к себе непроторенные дороги. Его творческий путь далеко еще не завершен, но одно несомненно: уверенное шествие пьес Корнейчука по сценам советских и зарубежных театров говорит о том, что путь этот плодотворен, что он является залогом новых больших свершений в искусстве, которых ждет народ от одного из интереснейших драматургов наших дней.